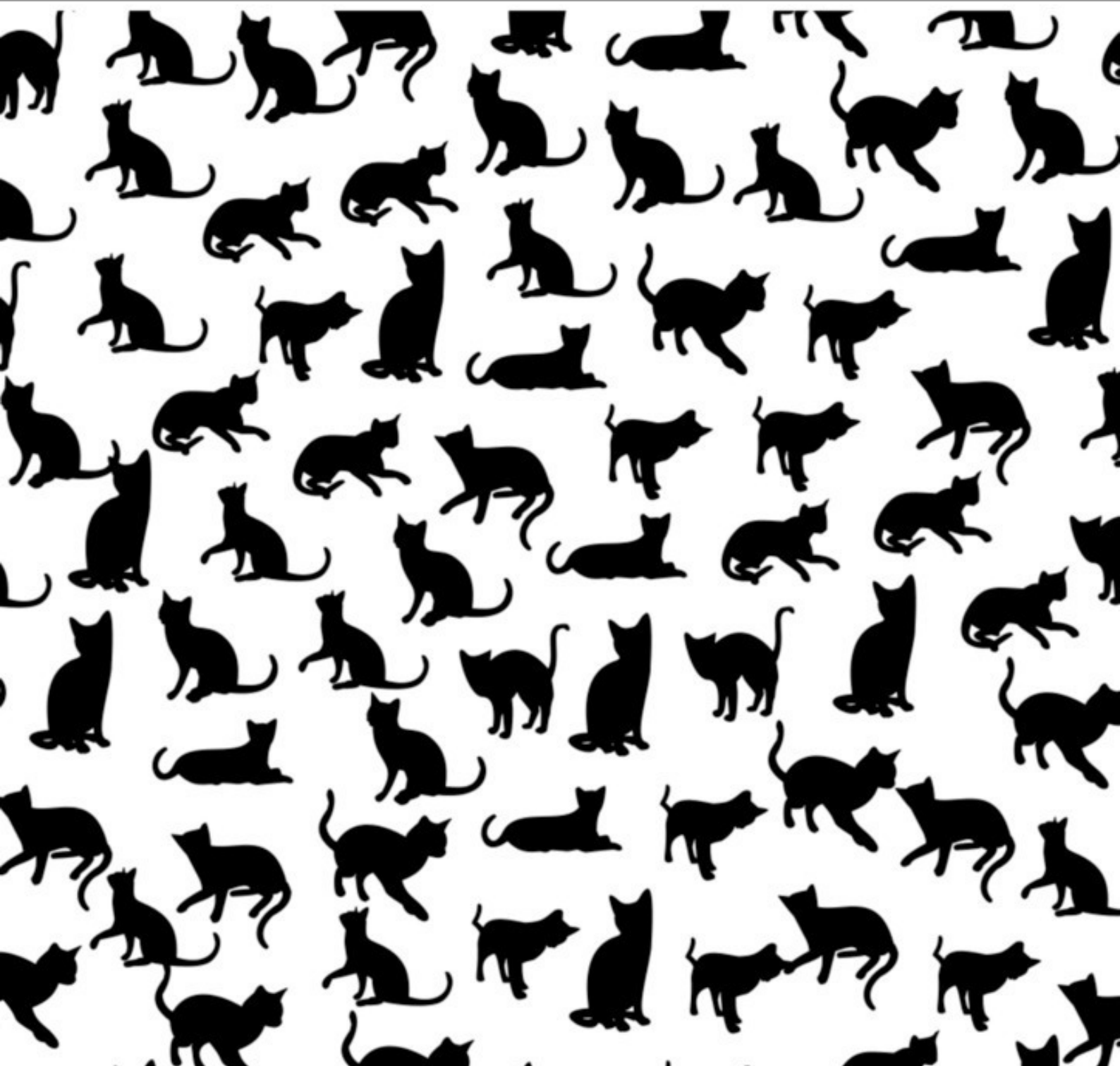

ВИТАЛИЙ АРАКЕЛОВ

Мурмания

Виталий Аракелов

Мурманья

«Издательские решения»

Аракелов В.

Мурмания / В. Аракелов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907821-6

Планета погасла, будто выключенная из розетки, застыла в преддверии вселенской войны. Люди, следуя велению таинственного голоса, укрылись в подземных городах. Только 14-летняя Нина Суари не спешит покинуть поверхность Земли, желая спасти всех кошек на свете. «Мурмания» — это взгляд маленькой девочки на бескрайнюю вселенную, населённую людьми, демонами и высшими кошками. «Мурмания» — это больше, чем просто мания с приставкой «мур». «Мурмания» — это поиск себя среди тысячи кошек и тысячи звёзд.

ISBN 978-5-44-907821-6

© Аракелов В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЙНА И КОШКИ	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мурманя

Виталий Аракелов

© Виталий Аракелов, 2018

ISBN 978-5-4490-7821-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЙНА И КОШКИ

ГЛАВА 1

Котёнок вцепился в тонкий ствол почти лишённого листьев клёна и нерешительно застыл, не смея двинуться дальше. Холодный осенний ветер то и дело вздёргивал вверх его короткую рыжую шёрстку, проносясь сквозь неё беспощадно резкими порывами, которые, едва облизнув своим незримым ледяным языком нежную розовую кожу напуганного существа, тут же устремлялись прочь. Ветер срывал с деревьев последние остатки листвы, унося их из потухшего города, словно смывая с его улиц следы необрушенных декораций ранее насыщенной жизни. Голые деревья, пустые улицы, тёмные дома...

Рыжий котёнок, выбрав удачный момент, двинулся дальше вверх по стволу всё выше, выше и выше. Его решимость росла с каждым следующим ярусом, оставленным внизу, и каждый новый шаг давался ему легче предыдущего. Ветер снова пронёсся мимо него, изогнув верхушку клёна в широкую дугу, и котёнку вновь пришлось прижаться всем телом к стволу. Он посмотрел вверх так, будто видел там последние остатки надежды и, удостоверившись, что дерево вновь вернулось в вертикальное положение, двинулся дальше. Продолжая карабкаться, маленький рыжий комочек всё же достиг своей цели и оказался на верхушке голого клёна. Верхушка слегка склонилась под его тяжестью, а сам котёнок теперь издали напоминал спелый оранжевый плод, готовый в любую секунду покинуть ветку персикового дерева, но... Персики не растут на клёнах, да и не зреют в конце октября, впрочем, как и не каждая кошка может выжить, упав с высоты более десяти метров, так что перспективы сорваться с дерева были для рыжего котёнка не самыми приятными, даже если он этого сам до конца и не понимал. Он достиг своей цели и теперь смотрел вдаль, словно пытаясь отыскать взглядом саму жизнь, что так стремительно оставила город. На горизонте всё та же картина – голые деревья, пустые улицы, заброшенные дома. Где-то за домами глухо и отдалённо звучит жалобный голос голодной кошки. Ему в ответ, гораздо более звонко и близко завывает пёс. Нет, картина, представлявшая серо-голубым глазам рыжего котёнка, совсем не та, что раньше. Она намного обширнее и мрачнее, она – безоговорочное заключение печального исхода, она – отчаяние, отчаяние, что отразилось теперь в его широких кошачьих глазах. Пёс перестал выть, теперь он громко залаял. Лай становился всё ближе и ближе, будто закрывая для рыжего котёнка последнюю спасительную дверь. Рыжий взъерошенный комочек вздрогнул под очередным порывом холодного ветра, а его взгляд растерянно забегал по сторонам. Вслед за взглядом раздался беспомощный возглас: «Мяя-яя-ууу-у...»

– Эй, хватит лаять! – прозвучал внизу чей-то звонкий голосок.

Лохматый пёс не унимался. Он продолжал заливаться безумным лаем, не выпуская ни на секунду из фокуса своего зрения рыжее пятно наверху.

Маленькая смуглая ладонь коснулась его кучерявой спины. Пёс встревоженно обернулся и с рыком оскалил зубы.

– Тихо, тихо, хорошая собачка, у меня для тебя кое-что есть, – продолжил всё тот же голосок.

Тонкие пальцы, покрытые царапинами и мозолями, ловко нырнули в широкую кожаную сумку и уже через мгновение держали перед собачьим носом начатую пачку сосисок. Пёс тут же спрятал недружелюбный оскал и хотел было ткнуться мордой в пачку, чтобы её хорошенько обнюхать, но те же тонкие пальцы внезапно отстранили её от собачьего носа.

– Не так быстро! – воскликнул голосок. – Не ты один хочешь есть. Да и какая нормальная собака будет есть сосиску вместе с этой полиэтиленовой плёнкой? Нормальная собака... О чём это я? Здесь вообще нормальностью никакой и не пахнет. Правда, пёсик?

Пёсик жалобно посмотрел на удаляющуюся пачку сосисок и тут же услышал ответ на свой вопрошающий взгляд:

– Сейчас, сейчас, подожди. И вообще, ты не должен на меня обижаться, – тонкие пальчики ловко развернули сосиску. – Я насчёт ненормальности. Это я не про тебя. Я про то, что творится вокруг. Про то, что почти ничего не творится. Поначалу мне это даже нравилось. Вот, держи, – пёс мигом заглотил протянутую ему сосиску и взглядом попросил добавки. Вместо этого маленькая обладательница тонких пальцев и звонкого голоса жадно съела вторую сосиску, после чего направилась в сторону находящейся неподалёку пятиэтажки, маня голодного пса за собой очередным продуктом мясоперерабатывающей индустрии, уже лишённым полиэтиленовой оболочки. – Я ж говорю, всем хочется есть, – пояснила она покорно следовавшему за ней псу, засунув в рот вторую сосиску и принявшись разворачивать третью. – Ещё месяц назад еды было столько-о-о! – протянула она, широко раскинув руки. – Бери – не хочу, как говорится. Проблема в том, что без электричества не работает холодильник, а без холодильника портится еда. Вот так вот... Нам с тобой ещё повезло, что мы с братишкой вовремя вынесли часть припасов в подвал. Скоро пропадёт и это...

Они зашли за угол пятиэтажки, где пёс получил всю оставшуюся пачку и теперь, забыв о рыжем котёнке на дереве, да и, пожалуй, обо всём на свете, принялся жадно поглощать долгожданный мясосодержащий продукт.

Худошавая девочка со смугло-грязным, но довольно милым лицом вновь подошла к дереву, где так же протяжно и обречённо продолжал мяукать маленький рыжий котёнок. На ней было надето толстое, несуразно висевшее на её узких плечах чёрное драповое пальто, потёртое и заношенное до дыр, а также розовая вязаная шапка, немного съехавшая на глаза. Висевшая же на левом боку шикарная фирменная кожаная сумка с надписью «Versace» добавляла её внешности ещё более противоречивый и комический вид. Что уж говорить о содержимом той самой сумки!

Девочка запустила руку в широкую дамскую сумочку от Версаче и, позвеневав внутри банками кошачьего корма, посмотрела наверх.

– А вот с тобой, рыжая морда, нам придётся сложнее, – вздохнула она, а после поправила съехавшую на глаза шапку и полезла на дерево.

Спустя около получаса Нина Суари поспешно двигалась в сторону выглядывающей из-за опустевшего торгового центра девятиэтажки, прижимая к себе дрожащего рыжего котёнка, укутанного под драповое пальто. Она шла быстрыми мелкими шагами по асфальтовой дороге, некогда служившей проезжей частью, шла, не оглядываясь по сторонам, шла, чётко видя перед собой свою цель. Многие дети сочли бы забавной прогулку по широкой автодороге при полном отсутствии машин. Нина тоже считала, что это весело, и ей нравились такие прогулки – ровно месяц тому назад.

Теперь же её беспокоило только одно – очередной жалобный кошачий голосок, раздававшийся из открытого окна панельной девятиэтажки. Хотя нет, не только. Ещё котёнок под пальто, которого нужно было срочно накормить, а ещё сто пятьдесят восемь других мурчащих созданий, ждущих её в здании бывшего Дома Культуры, и ещё... Те, кто не попал в это самое здание, они тоже её беспокоили...

...Кошки. В их семье всегда любили кошек. Нина знала это, хотя и помнила свою семью лишь по тем немногим отголоскам воспоминаний, что представали перед ней лишь во снах в виде ярких, но редких картин. Наяву же она ничего не знала ни об обстоятельствах исчезновения своих родителей, ни о их личности, ни о происхождении. Помнила только эту свою стран-

ную фамилию – Суари. Действительно, здесь, в Зауралье, нечасто встретишь людей с подобной фамилией, если встретишь вообще. Нина не раз обращалась к старшему брату с расспросами о родителях, семье и этой странной фамилии, но тот лишь пожимал плечами в ответ. Похоже, Антон сам ничего об этом не знал. Тем не менее Нине, с малых лет одарённой пытливым умом и завидной настойчивостью, всё-таки удалось кое-что разузнать, совсем немного, но это лучше, чем ничего. Информация касалась как раз той самой странно звучащей фамилии. В детской библиотеке, конечно, не нашлось книг, способных помочь определить значение слова «суари», но Нине повезло, и, когда она заявила в центральную, библиотекарь, заметив маленькую девочку, столь уверенно и жадно перелопатившую все книжные полки, посвящённые тематике иностранных языков и переводов, охотно выполнила её просьбу, принеся все имеющиеся в архивах книги о древних народах, в которых можно было найти выдержки из довольно интересных научных работ известных филологов, историков и лингвистов, как отечественных, так и зарубежных. Так, тщательно изучив попавшую к ней в руки информацию, насколько это было доступно тогда ещё одиннадцатилетней девочке, Нина наткнулась на то самое слово – «суари». Перевод оказался куда более говорящим, чем того можно было ожидать, и, прочтя его, Нина улыбнулась в душе...

Ветер немного утих, и теперь голос не унимающейся кошки был слышен гораздо чётче. Нина ускорила шаг. Вид города, «выключенного из розетки», больше походил на фотоснимок, чем на видеозапись, и лишь маленькая, стремительно движущаяся тёмная точка с оттенявшим её розовым бликом говорила об обратном. Нина действительно была крайне невысокого роста, а худоба, вызванная недоеданием с ранних лет, только подчёркивала её миниатюрность, так что на вид ей вряд ли можно было дать больше двенадцати лет. В действительности же ей было четырнадцать с половиной, но разве теперь это имело какое-либо значение? Время, похоже, остановилось, а возраст как его производная теперь казался лишь сочетанием цифр. Он больше ничего не значил. И имена тоже. Имена дают люди. Люди покинули этот город, и теперь он никак не назывался, да и страна, наверное, тоже. Был ли он сейчас одним из городов Зауралья или же просто являлся нагромождением из кирпичей и гипсокартона посреди бескрайних лесов? Сложно сказать. Похоже, границы стёрлись...

Нина миновала торговый центр и вышла на финишную прямую – в короткий проулок, ведущий к заветной девятиэтажке. Голос надрывающейся кошки теперь говорил ей о многом. Девочка безошибочно определила на слух, что кошка находится в квартире на седьмом этаже, и очень скоро её зрение это подтвердило. Чёрная кошка, завидев человека внизу, похоже, стала кричать ещё громче. Она стояла на подоконнике перед распахнутым окном, худая и обезумевшая. Нина подбежала к подъезду и, не медля ни секунды, распахнула тяжёлую дверь. Домофон не помеха, он потух ещё месяц назад вместе со всеми другими электроприборами. Вместе с лифтом. Это могло бы стать проблемой для маленькой девочки, которая практически месяц провела на ногах, ужасно хотела есть и очень редко спала. Её ноги могли бы подкоситься от усталости, а вместительная сумочка от Версаче, доверху набитая банками с кошачьим кормом, не добавляла сил. Возможно, так бы всё и случилось, если бы не этот голос на седьмом этаже.

К кошкам у Нины было особое отношение, как и у кошек к Нине. И дело было не только во взаимной симпатии между девочкой и её пушистыми четвероногими друзьями. Многим людям нравятся кошки, но Нина... Она слышала их, чувствовала, безошибочно распознавала по запаху, голосу и даже малейшему шороху. Кошки же вели себя рядом с ней так, будто понимали каждое её слово, тянулись к ней и даже слушались, как бы невероятно это ни звучало. Действительно, подобное поведение не очень свойственно для столь свободолюбивых созданий.

Всё вышеперечисленное, конечно же, наилучшим образом способствовало успешному выполнению той миссии, которую Нина с братом возложили на себя ровно месяц назад. Ведь

будь по-другому, разве удалось бы ей так легко снять напуганного рыжего котёнка с тонкой верхушки клёна, до которой не смог бы добраться ни один человек? Она сказала котёнку лишь пару ласковых слов и поманила к себе рукой. Стоило ей это сделать, и пушистый комочек, тотчас забыв о страхе, прыгнул к ней, вцепившись острыми коготками в драповое пальто, после чего они вместе благополучно спустились на землю. И ведь именно Нинин чуткий слух так быстро привёл её к запертой в квартире на седьмом этаже изголодавшейся кошке. Как и ко многим другим, ей подобным...

Безусловно, за этот месяц миссия успела наложить на Нину свой отпечаток, и теперь ей казалось, что каждая кошка в этом запустевшем городе не просто кричит, а зовёт именно её. «Мурмания во всей своей красе», – подумала Нина, преодолевая лестничные пролёты один за другим. Именно так назвал эту миссию её старший брат, когда всё началось.

Оказавшись у заветной квартиры, Нина, не успев отдышаться, вытащила из-за пазухи уже согревшегося, но всё ещё перепуганного котёнка, и посадила его возле ступенек, ведущих на следующий этаж. Затем она скинула с себя тяжёлую сумку от известного итальянского бренда, а после вытащила оттуда банку кошачьих консервов, открыла её и вывалила содержимое на ступеньку перед котёнком.

– Вот, поешь пока, а я тут делами займусь, – сказала Нина, глядя на приноживающегося к корму зверька. – Они свежие, тебе повезло, – котёнок и вправду оценил их свежесть и мигом набросился на спасительную порцию самой вкусной за последнее время еды, а Нина продолжила, достав из кармана тонкий металлический предмет: – Кушай, кушай, этого добра ещё много. У них срок годности большой, чего не скажешь обо всём остальном. Понимаешь? Последнюю пачку сосисок пёсик скушал, так что... Да, теперь нам всем придётся переходить на сухой корм...

Металлический предмет ловко вошёл в замочную скважину. Руки маленькой девочки орудовали отмычкой, будто её с детства готовили мастерски проворачивать кражи со взломом. Звук отмычки не мог не привлечь внимания запертой кошки, и скрежет когтей с внутренней стороны двери говорил об этом как нельзя лучше. Вскоре дверь поддавалась, и прозвучал характерный щелчок. Нина слегка приоткрыла дверь, а чёрная кошка выскочила ей навстречу. Девочка подхватила её на руки, погладила и опустила на пол, после чего повернулась к поедающему свою порцию рыжему котёнку и, улыбнувшись, сказала:

– Видимо, хозяева этой несчастной кисы не только проигнорировали всё сказанное и упустили возможность получить дополнительную порцию за спасённую кошку, но и в спешке захлопнули дверь, оставив бедную муроньку взаперти. Вот бывают же такие люди! – возмутилась она, взглянув на несчастную чёрную кошку. Кошка успокоилась и просто смотрела на свою спасительницу, пока та не открыла ещё две банки кошачьего корма и не вывалила его прямо перед распахнутой дверью. Только тогда кошка, довольно мурча, накинулась на ароматные консервы и не отлипала от них, пока не вылизала пол до чистоты.

– Надо немного передохнуть, – заключила Нина. Она подняла сумку и, волоча её по полу, вошла в открытую дверь. Чёрная кошка и рыжий котёнок последовали за ней. Нина миновала покрытый частыми царапинами коридор, зашла в зал, оставляя за собой грязные следы на ковре, достала первую попавшуюся тарелку из сервиза прежних хозяев квартиры, поставила её на пол и достала из сумки бутылку воды. Сделав пару глотков, она наполнила тарелку до краёв, расплескав немного по полу, а после сняла розовую вязаную шапку и рухнула на диван.

Её смятые тёмно-русые волосы едва доставали до плеч, а отросшая чёлка частично упала на глаза. Сдвинув чёлку набок одним грубым движением, Нина довольно посмотрела на кошек, дружно пьющих из глубокой тарелки. Так, под их ритмичное лакание она и провалилась в сон, а дальше...

...Образы, формировавшиеся в яркие картинки, звуки, складывающиеся в слова... Провалы, вспышки, снова слова, картинки и звуки... Исчезли...

...Нина открыла глаза, и в тот момент, когда она окончательно осознала место своего пребывания, звуки и образы полностью растворились, как и содержание причудливого сна. Нине почему-то очень захотелось вспомнить этот сон, но с каждой попыткой уцепиться в голове за его обрывки она понимала, что цепляться было уже не за что. Зато теперь она знала, что её бабушка, выходя замуж, не меняла фамилию, как и прабабушка, и прапрабабушка, и прапрапра... Также она знала, что в их роду все дети наследовали именно эту фамилию – Суари. А ещё у неё на языке крутилось что-то вроде «Антон – это Энтони, всё равно, что Эн, всё равно, что Нин». И ещё что-то. Какие-то слова. Она не могла их вспомнить, но почему-то была уверена в том, что человеческий речевой аппарат не сможет их воспроизвести. «Энто... ЭнСу... НинСу...», – снова подумала Нина.

– Эн Суари, Нин Суари, – внезапно произнесла она вслух, а затем посмотрела в окно и тут же вскочила с дивана, немного встревожив тем самым спящую в её ногах чёрную кошку. За окном было уже совсем темно. Нина вспомнила о брате. – Антоха, я совсем про тебя забыла! Должно быть, ты там меня уже потерял.

Чёрная кошка потянулась и, окончательно проснувшись, подошла к своей новой хозяйке. Рыжий котёнок, ранее спавший, уткнувшись в её тёплый пушистый бок, последовал её примеру.

– Отдохнули и хватит, нужно идти, – скомандовала Нина и решительно направилась к выходу. Кошка и котёнок двинулись за ней.

Когда они вышли из подъезда, ветер усилился вновь, и Нина спрятала котёнка, как и ранее, у себя под пальто. Кошка же шла к ней вплотную, практически в ногу, подобно хорошо выдрессированной собаке, услышавшей команду «рядом». Так они прошли ещё несколько кварталов, а после Нина по какой-то причине решила свернуть во двор и, обогнув пару домов, увидела перед собой теплоцентраль – конечно же, неработающую, на которой по привычке сидели кошки.

– Мурманья не подведёт, точно к кошкам приведёт! – радостно воскликнула Нина, а через несколько минут четыре кошки уже доедали только что полученный ужин. Когда они закончили, Нина сочувственно покачала головой и, обращаясь к уставившимся на неё восьми парам круглых зелёных глаз, сказала:

– Эх, несчастные вы глупёшки! Неужели вы так и не поняли – здесь больше не удастся согреться. Ничего уже тут не заработает. Ну что вы на меня так смотрите? Не верите? Вы что же, думаете, что перед концом света бывает как-то иначе? Тогда, скажу я вам, вы ничего не смыслите в концах света. Ну, что ещё? Что вы на меня так смотрите? Ладно, раскусили, – Нина с досадой махнула рукой. – Вы правы. Я тоже в них ничего не понимаю. Ну и что с того? – она улыбнулась и протянула им руки, кошки подошли поближе и, принявшись, стали о них тереться. – Зато я знаю место, – продолжила Нина, – где уж точно теплее, чем здесь, а корму хватит ещё на сотню таких, как вы. И я вас туда отведу. Пошли скорее!

Она повернулась и двинулась дальше, а с ней теперь уже пять кошек и котёнок за пазухой. Так они и шли по широкой проезжей части некогда оживлённого, а теперь окончательно утихшего города. Безымянного города безымянной страны, одной из многих других безымянных стран одинокой планеты, готовящейся предстать перед лицом невиданного врага. А всё началось с...

...Голоса. Того самого. Того, которым ровно месяц назад зазвучали все приборы, устройства, вещи и предметы, которые могли издавать звук, а также те, что подобными свойствами по определению не обладали. Этот голос заставил Нину замереть на месте, и она, словно выдернутая из привычной реальности, стояла не шелохнувшись, ловя каждое сказанное им слово. Она никогда не забудет этот голос – решительный, бескомпромиссный, древний, как сами

звёзды. Тогда Нина многое могла сказать о его обладательнице. Именно обладательнице – в этом Нина не сомневалась. Она чувствовала, что то запредельное существо – обладательница голоса – не шутит и не настроено играть. Оно выкладывает все карты на стол и делает это так, чтобы серьёзность его намерений не вызвала сомнений даже у самых отъявленных скептиков. Возможно, всё это чувствовали и другие люди, многие из которых тут же прислушались к словам таинственного существа и покинули поверхность Земли через открывшиеся повсюду гигантские подземные люки.

Содержание же того всемирного голосового сообщения было хоть и весьма обширным, но, в целом, предельно ясным, и ясным настолько, что его мог понять каждый человек на Земле от чукотского оленевода до члена академии наук. В нём говорилось о том, что Земле угрожает атака невероятно могущественных космических пришельцев и теперь планета переходит под руководство более компетентных в вопросах ведения войны специалистов, которые непосредственно служат автору данного сообщения. Людям при этом надлежало немедленно эвакуироваться в специально обустроенные подземные города. И дабы сразу исключить возможные сомнения в достоверности вышесказанного, автор послания отключил все электроприборы на Земле сразу же по его завершению.

Несмотря на то, что многих людей настолько впечатлило случившееся, что они тотчас последовали велению голоса, значительная их часть всё же осталась на поверхности. Тогда-то и начались активное мародерство и абсолютная анархия. Люди свободно пользовались всем, что раньше можно было приобрести за деньги, и наслаждались этим какое-то время.

Тогда Нина со своим братом долго обсуждали происходящее. Что-то во всём этом было. Что-то, показавшееся весьма привлекательным им обоим. А как же иначе? Денег, что удавалось заработать Антону, который был старше Нины всего на три года, едва хватало на оплату однокомнатной квартиры, доставшейся им от пропавших родителей, и подчас этих средств не оставалось даже на покупку еды. А теперь всюду творилось такое!

Конечно, возможность грядущего апокалипсиса наводила ужас на них обоих, однако открывала и сопутствующие перспективы. Нина и Антон не раз размышляли о том, что было бы, если бы исчезли все те вещи, что ставили людей на разные ступени социальной лестницы, и все эти люди, оказавшись в равных условиях, имели равные шансы добиться того, чего пожелают, лишь благодаря своим личным качествам. А тут ещё этот голос, между делом объявивший о довольно любопытном соревновании – иначе не назовёшь. Предложенное соревнование пришлось брату с сестрой по душе, правда, условия были странные. Что это за инопланетяне такие, подземные сверхсущества или кто они там, которые готовы обменять наземных кошек на дополнительную порцию во время обеда?

Брат предположил, что правит подземными пришельцами не кто иной, как Альф – забавный персонаж одноимённого американского сериала, для которого кошки представляли довольно высокую кулинарную ценность, на что Нина ответила, что если это так, она ни за что не отдаст ему ни единой вырученной кошки. Антон согласился, правда, добавил, что ни за что не отдаст Альфу ни единой вырученной кошки, предварительно не поторговавшись. В ответ на это Нина пнула его по ноге, а он рассмеялся и сказал, что, конечно же, пошутил. В любом случае брат с сестрой понимали – если кто и мог в одно мгновение «выключить» целую планету, то уж точно не старина Альф. Также они понимали, что независимо от того, врал ли голос в своём сообщении о надвигающейся космической угрозе или нет, при нынешних обстоятельствах современным людям, впитавшим блага цивилизации буквально с молоком матери, не удастся долго прожить на Земле, если, конечно, в них за ближайшие месяцы не проснутся дремавшие тысячелетиями охотники, собиратели и рыболовы. То же самое можно было сказать и о городских кошках, хотя те, безусловно, и выглядели предпочтительнее в вопросах выживания вне цивилизации. Так или иначе, стоило только Нине представить всех этих несчастных

животных в тот момент, когда запасы еды окончательно иссякнут, и она тотчас же преисполнилась решимости выполнить поручение таинственного голоса.

Так и началась их миссия, носившая шуточное кодовое имя «Мурмания». Нина не хотела ограничиваться одной-двумя кошками, подобранными возле подъезда, а безоговорочно решила спасти всех мурлык в пределах этого города. Антон, несмотря на свой более зрелый возраст и сопутствующую ему практичность, подкреплённую жизненным опытом человека, которому и раньше-то приходилось постоянно искать способы выживания, поддержал её, казалось бы, безумную идею, обосновав это тем, что за пару десятков спасённых кошек они, скорее всего, получат гораздо больше обеденных порций, а того гляди, и другие привилегии.

Благодаря Нининому чутью, их поиски очень быстро стали приносить плоды, и вскоре в их однокомнатной квартире обосновалось около пятнадцати мурчащих созданий. К тому времени запасы свежих продуктов уже практически иссякли, как и терпение оставшихся на поверхности людей, не готовых принять образ жизни своих предков времён каменного века. И люди вошли во всё ещё открытые таинственными правителями подземного мира люки, исчезнув в них без следа. Птицы и грызуны также покинули опустевшие города, ища себе пропитание в теперь уже более благоприятной для этого природной среде. Лишь кошки да уличные собаки остались посреди заброшенных домов, словно ожидая возвращения своих двуногих соседей. Надо сказать, что некоторые люди всё же брали с собой четвероногих друзей в момент своего отбытия с поверхности планеты, но, говоря по правде, не все из них отнеслись столь ответственно к сказанному в том всеобщем планетарном сообщении, так что кошек на улицах осталось немало. Впрочем, как и работы у Нины с Антоном.

Когда число животных в их квартире приблизилось к двадцати, они решили обосноваться в просторном здании Дворца Культуры и сделали это по нескольким причинам. Во-первых, там было действительно тепло, ведь здание отремонтировали только в прошлом году, поставили новые окна, утеплили стены. Во-вторых, это здание было достаточно просторным для того, чтобы вместить, пожалуй, целый зоопарк, а то и два, хотя в данном случае сказать «котопарк» было бы немного уместней. Ну а в-третьих, Дом Культуры был крайне удачно расположен: в двухстах метрах справа от него находился самый крупный в городе торговый центр, откуда Нина и Антон не только таскали продуктовые запасы для себя и своей пушистой компании, но и где могли обзавестись многими другими полезными вещами, такими, как, например, прочная кожаная сумочка Нины от известного итальянского бренда. Слева же располагался дом с хорошим подвалом, где брат с сестрой хранили все скоропортящиеся продукты.

Так, день за днём, они и перетаскивали несчастных уличных животных, кормя и согревая их в стенах бывшего ДК.

В какой-то момент миссия, причиной которой стали сочувствие и практичность, пробудила в Нине и Антоне какой-то неведомый доселе азарт, настоящую Мурманию, которая день за днём, снова и снова заставляла их отправляться на поиски одиноких мурлык, и вскоре число найденных ими кошек перевалило за сотню. К тому же детям, выросшим в нищете, было приятно осознавать, что теперь весь город находился в их распоряжении.

Правда, впоследствии эта затея уже не казалась такой уж весёлой. Продукты испортились окончательно, и даже подвал уже не был спасением. К тому же осень в этот раз выдалась на редкость ветреной и холодной настолько, что брату с сестрой с каждым днём приходилось надевать на себя всё больше и больше тёплых вещей, которые даже при всём своём изобилии уже с трудом спасали от аномально низких для октября температур. Что уж говорить о предстоящей зиме! Впереди только голод, холод, одиночество и...

...Кошки. Ещё пару Нина нашла, уже подходя к ДК (эта аббревиатура при нынешних условиях расшифровывалась не иначе как Дом Кошки, или попросту Кошкин Дом).

Семь кошек и один котёнок проследовали внутрь нового пристанища вслед за своей спасительницей. Была ночь, и внутри ДК уже повсюду горели принесённые из супермаркета свечи,

что говорило о том, что Антон тоже вернулся. Нина проводила кошек в специально отведённое для них помещение – бывший концертный зал, где её тут же с довольным мурчанием обступили все прочие усато-хвостатые питомцы – так, будто приветствовали вожака своей стаи.

– Они почитают тебя за лидера, а вот меня, скорее, считают одним из себе подобных, – раздался голос за спиной.

Нина обернулась. Худощавый парень в плотном пуховике держал в руках несколько блоков кошачьих консервов.

– Это потому, братишка, что ты не умеешь мяукать, так, как я, – с важным видом ответила Нина и протянула: – Мяяя-у-ууу! – а после засмеялась, услышав в ответ вторящие ей голоса многочисленных мурлык.

– Уж с этим не поспоришь, – ответил Антон, ставя блоки с консервами на пол.

– Это ты вовремя, – заметила Нина. – Их пора кормить.

– Сегодня тебя не было весь день, – он принялся раскрывать банки и наполнять их содержимым несколько глубоких тарелок.

– И этот день прошёл не зря! – Нина показала на своих новых подопечных. – Я прочесала весь город. Похоже, это все. Хотя... Это стоит ещё разок хорошенько проверить. А как твои успехи, братишка?

– С кошками? Мне с ними не так везёт, как тебе. К тому же ты сама сказала, я не умею мяукать. Как мне, по-твоему, их созывать? Я был за городом. Далекое. Знаешь, что? Там ещё есть люди.

– Люди?

– Да, их мало. Они готовятся дать отпор обещанным пришельцам из космоса. Прочёсывают оставленные военные склады, отряд собрали, оружие делают из подручных средств и... – Антон вытряхнул в тарелку содержимое последней из банок и пододвинул её к нетерпеливо мурчащей ораве, – ...собирают всё, что может сойти за оружие.

– Ты говорил с ними?

– Да, конечно. Они сказали, что не признают своей слабости ни перед жителями подземелий, ни перед обитателями далёких планет. Гордые. Хм, меня с собой звали...

– А ты что?

– Я? Ха-ха! Как я могу бросить тебя и наших хвостатых друзей? Нет, ну серьёзно, эти люди просто придурки. Я, конечно, понимаю, что найденных ими боеприпасов хватило бы на небольшую заварушку, но воевать против пришельцев, имея в арсенале пару сотен калашей и ножи с топорами – это, ну...

– Глупо, – продолжила Нина. – Очень и очень глупо. Лучше бы кошек помогали спасать.

– Вот-вот, и я о том же, – Антон окинул взглядом принявшуюся трапезничать кошачью ораву, состоящую из почти ста семидесяти мурлык. – Только посмотри на них, сестрёнка! Мы хорошо поработали, и нам пора пожинать плоды этих трудов. Пора сворачивать операцию под кодовым названием «Мурманья» и двигаться дальше, навстречу новой жизни, пусть и подземной. Ха, а в этом что-то есть. Возможно, именно под землёй всё встанет с ног на голову, и тот, кто был внизу, окажется сверху, – в какой-то момент он заметил отсутствующий взгляд сестры и понял, что она его уже не слушает. Тогда он окликнул её: – Эй, сестрёнка, ты же спишь на ходу!

– Ч-что? – встрепенулась Нина.

– Я говорю, нам пора сворачивать нашу миссию. Люки ещё открыты. Больше нет смысла ждать.

– Да... Ты, наверное, прав. Только...

– Что?

– Там ещё есть кошки. За окном. Я слышу их.

– Да нет же, тебе показалось. Ты очень мало спишь. Отдохни немного, а утром отправимся в путь.

– Их три, они недалеко, – не реагируя на его слова, ответила Нина и направилась к выходу.

– Постой! Нельзя всех спасти! Пора подумать и о себе, – попытался остановить её Антон, но сестра никак не отреагировала. Словно находясь под гипнозом, она вышла из бывшего концертного зала, сказав лишь: «Я скоро», а после скрылась из виду.

– Эх, бесполезно, – махнул рукой её старший брат. – Я сам виноват. Кто дёргал меня за язык с этой Мурманией? Да уж, говорящее словечко... Медицинское... Диагноз. Кто ж знал, что такая болезнь существует?

Внезапно за окнами концертного зала пронеслась яркая полоска синего света, едва не ослепившая Антона. Он подбежал к окну, но ничего не увидел. «Показалось? – подумал он. – Да, мне тоже не мешало бы отдохнуть...»

Вжик-вжик. Ещё две синие полоски пронеслись перед глазами. Не показалось. Антон внимательно вгляделся в темноту. Вжик. Ещё одна. Слишком быстро. Снова синий свет. Возвращается. Уже медленнее.

«Какого...» – человек за окном на секунду лишился дара речи, и не мудрено, ведь он впервые в жизни увидел инопланетный истребитель. Небольшой остроконечный летательный аппарат завис вдалеке. Абсолютно чёрный, он мог бы слиться с ночным небом, если бы не освещавшее его синее пламя горящих турбин. Аппарат оценивающе провисел в воздухе пару секунд, а после двинулся дальше. Затем прогремел взрыв.

– Сестрёнка! – опомнившись, воскликнул Антон и в ту же секунду рванул к выходу изо всех сил.

ГЛАВА 2

Острая вспышка синего света внезапно разрезала ночное небо своим невероятно мощным лучом, навязчиво, ярко и болезненно отпечатавшись в глазах Нины Суари. От неожиданности девочка невольно вскрикнула и рефлекторно закрыла руками лицо. Дико контрастируя с непроглядной чёрнотой обесточенного города, эта вспышка казалась чудовищно резкой и практически невыносимой для Нининых глаз, больше месяца не видевших электрического света. Короткая мысль о начале предсказанных событий неминуемой вселенской войны промелькнула у Нины в голове, но последовавший за вспышкой оглушительный взрыв выбил её и все прочие мысли в пустоту неведанного страха. От неожиданности происходящего потрясённая Нина упала, прижавшись к земле, продолжая прикрывать руками лицо. Вдалеке она слышала грохот сыпавшихся домов, нарастающий с каждой секундой и продолжавший нарастать до того момента, пока девочка не почувствовала, как что-то очень тяжёлое пролетело прямо над ней, покрыв голову и спину цементной пылью, а затем с жутким треском раскололось на множество мелких кусков. Нина встрепенулась и поднялась на ноги, доверившись каким-то невероятным инстинктам, заставившим её преодолеть страх.

Спустя несколько мгновений мысли вернулись. В глазах по-прежнему висела неумолимо вьевшаяся синяя вспышка. «Самый громкий звук за последний месяц, а возможно, и за всю жизнь ворвался в заброшенный город на крыльях самого яркого света, чтобы его уничтожить», – подумала Нина. Вслед за этим она вспомнила о том, как близка была к своей цели и как несколько минут назад представляла трёх довольных мурлык, спасение которых должно было ознаменовать удачное завершение операции под кодовым названием «Мурманья».

Вокруг всё снова затихло. Нина попыталась открыть глаза, и на мгновение ей показалось, что у неё это не вышло. Она встревоженно их протёрла и попыталась снова – картинка не менялась. Всё та же яркая вспышка стояла перед глазами. Ещё попытка, затем ещё и ещё. Глаза определённо открыты. Яркий синий свет. Паника. Голос. Возможно, она его слышит. Возможно, ей просто кажется. Нет, не кажется – это кошки. Их всё ещё три, и они всё ещё живы. Они зовут. Её. Мысли об этом заставили забыть о себе. Ещё ничего не кончено. Есть ещё слух – уж он-то не подведёт, никогда не подводил. «Я смогу, – сама себе сказала Нина. – Кошка слышит мышь, шуршащую в подвале, а я услышу кошку. Это нетрудно, я справлюсь. Тем более что кошка не одна – их целых три. И они совсем-совсем рядом. Главное, не торопиться и идти очень осторожно, ведь если я обо что-то споткнусь или, того хуже, куда-нибудь провалюсь, бедным муркам некому будет помочь».

С этими мыслями она двинулась вперёд, влекомая Мурманией, что всё это время безошибочно указывала ей дорогу, а теперь, похоже, стала ощущаться как дополнительное чувство, способное заменить собою все остальные. Нина шла медленно, но верно, безошибочно огибая разбросанные повсюду бетонные блоки и обломки фонарных столбов, пока не оказалась перед огромным кирпичным навалом, из-за которого отчётливо доносились истошные кошачьи голоса. Теперь даже слепому стало ясно, что здесь произошло – кошки прятались в незапертом подвале, а теперь выход завалило обломками разрушенного здания. Девочка поднялась на горку из кирпичей и упёрлась вытянутыми вперёд руками в прочную стену. Ощупав её, она поняла, что дом пострадал лишь частично и, похоже, сохранил кое-какие фрагменты. Например, окно. Нина подняла кирпич и сбила им острые края выбитого стекла, после чего аккуратно пролезла внутрь через оконный проём.

Она сделала несколько осторожных шагов. Раздался грохот. Что-то тяжёлое упало за спиной, и куски отколовшейся кирпичной крошки больно хлестнули Нину по ногам. Девочка рванула вперёд. Под ногами захрустело стекло, и сгустки строительной пыли поднимались в воздух, забиваясь в ноздри и глаза. Глаза. Только сейчас Нина вспомнила о них и, к своей радости,

заметила, что больше не видит перед собой этот отвратительно яркий синий свет. Напротив, всё вокруг стало неоднородно тёмным.

На бегу Нина задела несколько валявшихся под ногами кирпичей, ударившись щиколоткой об угол одного из них. Стопа слегка подвернулась от боли, но девочка не остановилась. Да и могла ли ушибленная нога омрачить внезапную радость, ведь теперь на тёмном фоне экрана Нининых глаз стали прорисовываться смутные контуры окружающих предметов.

«Зрение вернётся, совсем скоро! И тогда...» – ободряющие мысли Нины прервала лежащая под углом оконная рама – теперь девочка точно знала, что это была именно она. Правда, различить её очертания Нина сумела лишь в самый последний момент. Зацепившись за раму ногой, она полетела вперёд, упала на колени и, успев выставить руки перед собой, ухватилась за вертикальный металлический предмет. Перила. Лестничные перила. Она их видела, и радость от осознания этого факта была столь велика, что острая боль в ушибленном колене казалась ей теперь скорее ярким дополнением к букету ощущений, которые вернулись к ней вместе со зрением.

– Я вижу! – закричала Нина, и кошки в подвале вновь подали голоса, будто намеренно указывая к себе дорогу. Без сомнений, они были внизу, в подвале, нужно было только спуститься.

Нина поднялась, опираясь на перила. Резкая боль в колене чуть было не вернула её обратно на пол – похоже, падение не прошло бесследно.

«Это плохо, – подумала Нина. – Боль в ноге будет меня тормозить. Нельзя, нельзя останавливаться! Только не сейчас!»

Колено буквально горело, и Нина, приложив к нему руку, почувствовала липкую влагу кровоточащей раны. Попробовала наступить – больно, но терпимо, а значит, можно идти. Опираясь обеими руками о перила, Нина, оставив у их основания несколько кровавых отпечатков ладони, начала осторожно спускаться.

Миновав лестничный пролёт, она остановилась перед заваленным входом в подвал. В некоторой степени ей повезло, что дом оказался кирпичным – завал состоял в основном из отдельных кирпичей, а также их более мелких фрагментов, и разобрать его, таская по одному, представлялось вполне возможным даже для обессиленной маленькой девочки с травмой колена и предельным физическим истощением. Ведь у неё был стимул, и не один, а целых три. Кошки продолжали протяжно мяукать, чувствуя близость своего спасения. Нина тут же ощутила небывалый прилив сил, будто кошачьи голоса пробудили в ней второе дыхание (третье, четвёртое...), и, забыв о боли, она принялась за дело. Разобрав больше половины завала, она увидела просвет и тут же в него заглянула. Три кошки, как и предполагалось – пятнистая, трёхцветная и белая. Что-то вновь упало, на этот раз снаружи и, судя по звуку, с довольно большой высоты.

«Времени в обрез, здание вот-вот рухнет», – с тревогой подумала Нина и заметно ускорила шаг, не прекращая расширять просвет до тех пор, пока одна из кошек не смогла протиснуться в образовавшуюся щель. Это был кот, огромный белый кот с не менее огромными безумными глазами. Следом за ним вылезла трёхцветная кошка. Третья мурлыка не торопилась. Нина заглянула внутрь ещё раз – пятнистая кошка лежала, прижавшись к стене, издавая протяжные жалобные стоны. Пострадала во время взрыва и последующего за ним обрушения домов? Заболела? Сошла с ума? Не важно. Никогда ждать, нужно что-то делать. Нина сбросила с себя плотное драповое пальто – так больше шансов протиснуться внутрь – и тут же устремилась в узкий проход. Там, где проходит кошка, человеку пройти нелегко, пусть даже этим человеком была худощавая и низкорослая девочка Нина Суари. Прорываясь внутрь изо всех сил, Нина почувствовала, как её кофта расходится на спине, а кожа обжигающе натягивается при каждом новом рывке. Осталось немного. Преодолевая боль, ставшую неотъемлемой частью этого дня, Нине всё-таки удалось протиснуться внутрь. Она буквально влетела в полу-

разрушенный подвал и тут же подхватила несчастную пятнистую кошку. В тот же момент за её спиной послышался треск, а вслед за ним раздался грохот рухнувшей стены. Девочка с кошкой в руках метнулась обратно. Вдвоём не пролезть. Кирпичи. Пыль в глаза. Кусок арматуры... в знакомой руке. Несколько мощных ударов расширили проход. Нина сразу же в него нырнула, и, в тот момент, когда стены подвала буквально сложились одна на другую, рука брата выдернула её наружу.

– За мной, быстро! – крикнул Антон и рванул вверх по ступенькам, таща Нину за собой, но та, к его удивлению, вырвалась резким движением плеча.

– Ещё две кошки! – раздался её голос у него за спиной.

Антон мгновенно обернулся:

– Что?!

– Две! Возле ступенек! Я быстро! Беги! – с этими словами Нина сунула ему в руки пятнистую кошку и устремила вниз.

Здание гудело, сыпалось на глазах.

– Нельзя всех спасти! – крикнул Антон ей вслед, но понял, что она его уже не слышит.

Трёхцветная кошка и белый кот прижимались к ступенькам в безумном оцепенении в тот момент, когда Нина подхватила их обеими руками и рванула за братом. Антон, в отличие от своей младшей сестры, пришедшей сюда вслепую, точно знал, где находится выход, и их спасительный спринт оказался достаточно быстрым для того, чтобы покинуть здание до его неотвратимого разрушения. Выбежав наружу через ту часть дома, что обвалилась ещё во время грандиозного взрыва, разрушившего город, они продолжали бежать, пока Нина не упала на землю, схватившись за больное колено. В тот момент здание окончательно рухнуло.

Его грохот заглушил возгласы кошек, выскользнувших из Нининых рук, но заставил Антона остановиться. Он подбежал к сестре, помог ей подняться и, поняв, что опасность позади, неожиданно закричал:

– Это было глупо! Очень, очень глупо!

– Спасибо, братишка, ты вовремя успел, – виновато улыбнулась Нина, глядя в его глаза, полные отчаяния и недоумения.

– А я ведь говорил! Говорил, что пора со всем этим заканчивать! – не унимался Антон. – И что же сделала ты? Ты меня даже не слушала! Убежала, игнорируя каждое из моих слов. И к чему это привело? Ты чуть не погибла из-за трёх ободранных кошек. Ты спятила! У нас их сто шестьдесят восемь!

– И вовсе они не ободранные, – улыбнулась Нина и, наклонившись к трущимся о её ноги кошке и коту, принялась довольно наглаживать их вполне себе добротную шерстку, а закончив с ними, стала гладить пятнистую кошку, ту, что всё это время находилась у Антона на руках, и вместе с тем серьёзно добавила: – А вот с ней нужно быть поаккуратней, она ранена и не может идти. Надеюсь, там, куда мы отправимся, ей помогут.

– А я надеюсь, что мы туда всё же отправимся так быстро, как это возможно.

– Да, ты прав, идём скорее, – согласилась Нина, после чего они, не желая терять ни секунды, двинулись обратно в сторону ДК.

Только теперь прояснившись Нининому взору предстала картина разрушенного города, которую раньше она могла себе только вообразить. Реальность превосходила всё, что могла нарисовать человеческая фантазия, хотя бы потому, что воздействие оружия, использованного инопланетным истребителем, разительно отличалось от действия своих земных аналогов. Похоже, большинство городских построек было не только разрушено, но и расплавлено, о чём свидетельствовали тонны застывшей смеси из камней и металла, растёкшейся по улицам города, расположенным в непосредственной близости от эпицентра взрыва. Подобные куски также торчали и в обломках разрушенных домов, торговых центров, школ и музеев, расположенных в разной степени удалённости от эпицентра, и можно было предположить, что в точке

попадания инопланетного снаряда (снаряда ли?) земля со всеми стоявшими на ней зданиями буквально вскипела и, тут же затвердев, разлетелась по сторонам, снося на своём пути прочие сооружения в разных концах запустевшего города. Масштабы взрыва были просто катастрофическими, и Нина всю дорогу переживала за кошек, оставленных в ДК, и, несмотря на все заверения Антона о том, что кошки не пострадали, она спрашивала о них вновь и вновь практически каждую минуту. По дороге она также узнала, что взрыв был вызван атакой неведомого летательного аппарата, который, сделав своё дело, отправился далеко за город, откуда Антон и увидел точно такую же синюю вспышку, как и та, что разрушила город. По его словам, именно в этом направлении располагались оставшиеся люди, готовые дать отпор грозящему вторжению. Теперь он больше не смеялся над их отчаянным безрассудством, просто сочувствовал.

– Как ты меня нашёл? – спросила Нина, когда они уже практически подходили к входу своего Дома Кошек, или попросту ДК.

– По отпечатку кровавой ладони на перилах, конечно же. Ты ведь единственный живой человек в этом городе, не считая меня, – пояснил Антон.

– Да нет же, я не об этом. Как ты вообще нашёл тот разрушенный дом во всём этом кошмаре?

– Кошки... – после недолгих размышлений ответил Антон. – Мне кажется, я их услышал.

– Ты!? Услышал?! Да не смейся! Ты – и услышал! Нет, только не ты! Кто бы мог подумать! – она залилась звонким, почти истерическим смехом, а Антон не знал, что ответить, и только думал: «Она сошла с ума. Да и кто б не сошёл».

Оказавшись внутри своего убежища, брат и сестра собирались так быстро, как только могли. Было решено брать лишь самое необходимое. Самое необходимое, теперь уже в количестве ста семидесяти одного мурчащего создания, теперь напоминало единый организм, опровергая всем своим поведением знаменитое утверждение о том, что кошка гуляет сама по себе и является животным, неспособным действовать коллективно. Больше полутора сотен кошек выстроились перед выходом из ДК, лишь услышав от Нины решительную фразу: «А теперь все вместе быстро отсюда уходим». Даже у Антона, каждый день наблюдавшего то, с какой необычайной лёгкостью его сестра управляет с кошками, от удивления расширились глаза. Впрочем, он понимал, что позволить себе отвлечься на осмысление этого удивительного феномена в условиях всего происходящего было бы сейчас не меньшей глупостью, чем недавний поступок его одержимой Мурманией сестры. Он наскоро перевязал всё ещё кровоточащее Нинино колено, после чего отыскал один из ранее вынесенных из торгового центра пуховиков, ставший заменой драповому пальто, которого Нина недавно лишилась, и сразу же после того, как сестра его надела, поспешил к выходу. Нина же вместе со своим пушистым отрядом двинулась следом за ним.

Всё ещё открытый эвакуационный люк располагался в самом центре города или, если сказать точнее, того, что когда-то им было. Они двигались так быстро, как только могли, понимая, что спасительная дверь в загадочное подземелье может закрыться в любую минуту, и даже Нина, хромавшая на одну ногу, не отставала от своего брата ни на шаг. Ну а кошки... Они походили теперь на крыс, следующих за Гамельнским Крысоловом, только двигались они не по велению волшебной флейты. Для того чтобы разношёрстная мурчащая орава превратилась в организованный строй, потребовалось лишь намерение маленькой девочки. Может ли мурманья, пусть и с приставкой «мур» оказывать подобное влияние не только на одержимого ею человека, но и на животных, его окружающих, или же их подобное поведение стало следствием природного инстинкта к выживанию, заставившего столь безоговорочно довериться девочке, внешний вид которой так явно говорил о том, что ей самой нужна помощь? Быть может, кошки, чувствуя неминуемую опасность, ассоциировали возможность своего спасения именно с Ниной? Или же их аномальное поведение было вызвано причинами совсем иного характера, и этим причинам так и будет суждено остаться за пределами человеческого пони-

мания? В любом случае, кошки шли ровным строем, след в след шагая за своими двуногими спасителями, и за весь путь ни единожды не отвлеклись от заданного маршрута.

Вскоре разверзнутая пасть – крыша подземного люка – показалась примерно в ста метрах от брата с сестрой и кошек, их сопровождавших. Путь в новую жизнь был всё ещё открыт и, похоже, ждал только их – не в меру задержавшихся гостей. Люк представлял из себя проход около пяти метров шириной, ведущий в глубь находящейся под пологим наклоном шахты, которая открывала, по всей видимости, дорогу в искусственно созданные пустоты земных недр, непроглядно тёмные и пугающие таинственностью своего происхождения. На поверхности крыши люка ещё оставались не обвалившиеся во время его открытия куски асфальта, перемешанного с землёй. Нина и Антон часто видели этот люк, проходя по городу, но, сколько ни пробовали туда заглянуть, так и не смогли различить там хоть что-то, кроме кромешной тьмы. Похоже, тайна подземелья и голоса, отправившего то грандиозное всепланетарное послание, скоро будет раскрыта, стоит лишь брату с сестрой переступить порог представшего перед ними прохода.

По мере приближения к люку Нина шла всё менее уверенно, спотыкаясь и хромя чаше и чаще при каждом шаге, сближающем их с заветными «вратами в новую жизнь».

– А что, если... кош-ш-ки... ещё остались в... дру-у-гих город-дах? – внезапно спросила Нина. Её голос колебался и дрожал в такт ещё более усугубившейся хромоте.

– Тогда им помогут не менее добрые люди, чем мы, – отмахнулся Антон, который смотрел сейчас только вперёд, опасаясь даже на мгновение выпустить из поля зрения конечную точку операции «Мурмания» – эвакуационный люк.

– Хорошо бы... – она говорила осторожно и нерешительно, будто сомневалась в принятом ими разумном решении. – Надеюсь, эти люди суме... Люди, смотри! – вдруг прокричала она, дёрнув брата за рукав в тот момент, когда толпа из нескольких десятков человек пронеслась перед ними. Люди, даже не обернувшись, метнулись в люк настолько быстро, что почти тут же исчезли из виду. Появление этих людей оказалось столь внезапным, что рассмотреть их детально практически не представлялось возможным, но всё же взглядам Нины и Антона удалось зацепиться за некоторые детали тех из них, кто скрылся в последнюю очередь. Антон узнал их – это были те люди, которых он видел за городом – ополченцы. Они были покрыты грязью, смешанной с кровью, проступавшей сквозь обгоревшую одежду, а от их былой храбрости не осталось и следа. Также Антон заметил, что сейчас «защитников Земли» было намного меньше, чем в его с ними первую встречу.

– Позаботятся, говоришь... – сказала Нина, глядя им вслед. Её голос при этом выровнялся и больше не дрожал.

– Некогда рассуждать! Они бегут не потому, что решили заняться спортом, – встревоженно ответил Антон и, осмотревшись по сторонам, в ужасе прокричал: – Там, вверху! Эта штука! Снова!

В тот момент в небе над люком пронёсся, оставляя в воздухе синий огненный след, всё тот же остроконечный летательный аппарат, чёрный, как сама тьма.

– Бежим! Он может вернуться! – прокричал Антон. С этими словами он устремился вперёд и, не колеблясь ни секунды, переступил порог спасительного люка. В тот момент рука сестры коснулась его плеча. Он повернулся, Нина оставалась снаружи.

– Я знаю, что ты скажешь и что подумаешь обо мне, братишка, – с оправданием в голосе сказала она. – Только не сердись. Я всё понимаю. Понимаю, что просить тебя остаться было бы совершенно неправильно и...

– Просить! Остаться! – недоумевающий голос брата прервал её из темноты.

– И я не прошу, – чуть с большей решимостью продолжила она. – Позаботься о них, а они... они позаботятся о тебе.

– Что? Нет! Я тебя здесь не оставлю! Я придумал эту игру, Мурманию, чтобы тебя повеселить! Забудь о ней, сестрёнка, это глупая игра! Теперь игры кончились. То, что творится вокруг, это не шутки! Это грёбаный апокалипсис! – кричал Антон в надежде образумить сестру.

– Мурмания – это не игра, – твёрдо произнесла Нина, а затем слегка улыбнулась и добавила: – Прости меня, братишка, надеюсь, скоро увидимся...

Сказав это, она побежала от выхода прочь. Антон хотел было последовать за ней, вернуть её, но стоило ему только попытаться сделать шаг, как все кошки разом вбежали внутрь прохода, заслоняя дорогу своими пушистыми телами. Сквозь всю эту суматоху он успел слышать отдаляющийся голос сестры, прежде чем крыша люка внезапно закрылась перед ним, оставив его и всю кошачью ораву в полной темноте. Через мгновение Антон почувствовал, как пол под ногами неведомого сооружения пришёл в движение, увлекая его вместе со всеми кошками, должно быть, в самое сердце Земли. А в голове всё вертелась последняя фраза Нины, которую ему удалось слышать перед тем, как крыша люка отрезала к ней дорогу: «На Земле ещё остались кошки! Остались кошки! Остались...» В отчаянии он принялся биться в стены подземного лифта, стремясь вырваться из него во что бы то ни стало, но, потерпев неудачу, без сил повалился на металлический пол, продолжая слышать: «Ещё остались кошки! Кошки! Кошки!»

«Ещё остались кошки», – эта мысль никак не могла покинуть Нину даже тогда, когда она побежала со всех ног, заметив возвращающийся остроконечный истребитель, который, судя по синим вспышкам за пределами города, сопровождаемым грохочущими звуками взрывов, только что совершил атаку на остатки загородного ополчения и теперь направлялся к развалинам города, дабы закончить начатое и окончательно сровнять их с землёй.

Красная полоска на горизонте ознаменовала завершение этой напряжённой ночи, которая должна была теперь перерасти в не менее напряжённое утро. На фоне рассветного неба чёрный истребитель выглядел ещё более контрастно, что как нельзя лучше подчёркивало всю его чуждость этому месту, да и вообще любому месту на этой планете. Весь его вид говорил о враждебности ко всей окружающей Земной атмосфере, из которой он выбивался настолько резко, что Нина почувствовала эту враждебность на каком-то подсознательном уровне, отчётливо понимая, что перед ней именно враг, заклятый враг, и никто иной. Девочке, всегда доброжелательной ко всем окружающим людям и животным, ранее не доводилось испытывать ничего подобного, и это пугало её не меньше, чем неминуемая опасность, нависшая над ней в этот момент. Она видела разрушения, видела людей, в страхе бежавших от неведомого врага, видела кошек, которые чуть не погибли по его же вине, но не испытывала к нему ни малейшей агрессии. Другое дело теперь, когда она увидела истребитель перед своими глазами. В тот миг всё изменилось. Сейчас Нина отчётливо понимала, что такое ненависть, и как бы она ни старалась отгородиться от этого столь не свойственного для себя неприятного чувства, все её попытки имели прямо противоположный эффект. Ненависть нарастала, и её невозможно было остановить. В какой-то момент Нине даже казалось, что вид этого истребителя пробудил в ней что-то более древнее, чем сам этот мир, что-то, не поддающееся никакому контролю и выходящее за пределы любых рациональных объяснений, что-то знакомое, будто смутная картинка одного забытого сна вдруг повернулась к ней изнаночной стороной, обнажая всю суть своего истинного значения, ранее сокрытого под наносной видимостью человеческого восприятия этого сна. Ощущение, что это всё же не её собственное чувство, а чувство кого-то другого, также не покидало Нину, но как бы то ни было, она была абсолютно не в силах бороться с ним, и через считанные мгновения весь этот эмоциональный накал вылился в конкретное действие – Нина остановилась в тот самый момент, когда истребитель оказался практически напротив неё, и бросила в него камень.

Камень, конечно же, не долетел, а истребитель пронёсся мимо, даже не восприняв маленькую девочку в качестве оппонента. Нина проводила его исполненным ненависти взглядом, когда он полетел в сторону уже закрывшегося эвакуационного люка, и почему-то улыбнулась, будто знала о том, что сейчас должно произойти. В ту же секунду крыша люка снова открылась, с мощным свистом выпустив сияющую ракету, прошившую истребитель насквозь, а после взорвавшуюся где-то за пределами облаков. Вслед за этим подобный свист раздался и далеко за пределами города, и залпы ракет, выпущенных из недр земли, подобно праздничному салюту окрасили рассветное небо своими ослепительно яркими вспышками. Нина смотрела и наслаждалась зрелищем, не в силах отвести от него взгляд.

В тот момент ненависть улетучилась, и её место заняло чувство неопишуемой гордости за подобное оружие и его создателя, такое, как если бы Нина сама была ко всему этому причастна. «Это свои», – пронеслось у неё в голове на фоне мыслей о величии событий, начало которых ей посчастливилось засвидетельствовать в этот день.

Залпы затихли, и вместе с ними умолкли неведомые ранее мысли и чувства, а спустя несколько минут они и вовсе забылись, снова вернув Нину в реальность маленькой девочки, только что добровольно оставившей брата ради своей безумной Мурмании. Только сейчас она снова почувствовала больное колено и то, как ей сильно хочется есть, после чего двинулась в путь и побрела сама не зная куда, ощущая, как леденящий октябрьский ветер холодит её мокрые от проступивших слёз глаза.

Близился вечер, когда Нина случайно набрела на лагерь загородного ополчения. Тогда она увидела то, что осталось от группы людей, возомнивших, что они способны справиться с инопланетной угрозой, и увиденное могло бы её ужаснуть или же попросту лишить рассудка, оставив в памяти неизгладимые шрамы, что мучили бы её потом всю оставшуюся жизнь, являясь в ночных кошмарах картинками расплавленных фрагментов человеческих тел, и, скорее всего, так бы всё и случилось, если бы... Если бы Нина не настолько устала. Преодолев пешком путь в несколько десятков километров, она находилась в том состоянии предельного истощения, когда вся окружающая действительность выглядит так, будто затянута пеленой плотного тумана, и уже не воспринимается как что-то, имеющее отношение к реальности. Нина даже забыла о голоде, просто рухнула на землю и провалилась в сон.

Никаких картинок. Только голоса. Их много, и большинство из них звучат отдалённо. Среди них выделяются два, слышимых гораздо отчётливее других. Они похожи, будто это один и тот же голос, ведущий односторонний диалог.

...«Мех на руках... Откуда этот мех?.. Разве он был на них раньше?»... «Был, ты просто его никогда не замечала»... «А у него нету такого»... «Есть, просто слишком короткий и растёт вовнутрь»... «Это как?»... «Это бывает редко»... «Что бывает редко? Мех, растущий вовнутрь?»... «Нет, так, как у тебя, бывает редко. Почти никогда»... «И что же это? Почему? Почему это происходит со мной?!»...

Она подскочила на ноги и тут же стала обхлопывать руки, как будто пыталась с них что-то стряхнуть, а придя в себя, заметила, что её руки остались такими, как прежде – маленькими, смуглыми и покрытыми многочисленными ссадинами и мозолями.

«Какой странный сон», – подумала Нина и, оглядевшись по сторонам, обнаружила несколько пачек чипсов, разбросанных по земле, – припасы ополченцев, они им уже не понадобятся. Она собрала все уцелевшие пачки и, предварительно разделавшись с несколькими из них на месте, сложила оставшиеся в найденный неподалёку пакет, а после, помня о своей первоочередной задаче, двинулась в путь.

Трудно сказать, сколько времени прошло – день, неделя, месяц... Дни сбились в единую кучу – грязно-серый коридор, каждый шаг по которому давался с невероятным трудом. В его конце светила Мурмания, дружелюбно манящая к себе пушистыми лапками и длинным хво-

стом. Возможно, именно она помогала Нине оставаться в живых всё это время. Однако кто знает, насколько её ещё хватит...

Состояние Нины ухудшалось день ото дня, и вряд ли она бы узнала себя теперь, если б ей довелось увидеть в зеркале своё отражение – впалые щёки, помутневший обезумевший взгляд и болезненная худоба всем своим видом говорили об окончательном истощении разума и тела. Нина понимала, что сходит с ума, но также отчётливо ощущала, что это безумие происходило не от неё самой, а откуда-то из запредельного небытия, далёкого и необъяснимого.

День за днём она брела по улицам опустевших городов, невзирая на усталость, голод, холод и адский мороз. Просто шла по безлюдным улицам полуразрушенных городов и вскоре была уже не одна. За ней неотрывно следовали уцелевшие кошки, повинувшись каждому её слову и жесту, будто бы они знали, что именно эта девочка была их единственным шансом спастись. Неужели только кошкам ведома загадка Мурмании? В чём же она? Зачем всё это? Нина не могла понять, почему не может остановиться, но с каждым днём собирала в свою мурчащую компанию всё новых и новых мурлык, не пытаясь больше найти всему этому хоть какое-то логическое объяснение. Должно быть, это мания, безумная и непреодолимая мания. Мурманья.

Однажды, в холодный и серый день, похожий на все предыдущие, блуждая по одному из наименее пострадавших городов, Нина забрела в самый уцелевший из найденных в округе магазинов, чтобы найти себе и своим многочисленным усато-хвостатым подопечным чего-нибудь перекусить. Там она и заснула.

Несмотря на запредельную степень истощения и болезненную усталость, Нина плохо спала, постоянно ворочаясь, будто не могла найти себе место, а когда проснулась, ощутила прилив неопишуемой тревоги, который заставил её подняться и подбежать к витрине. В тот же момент она услышала безумный всеобщий рёв, сотрясающий землю, будто та раскалывалась на части. Земля содрогнулась и в то же мгновение выплюнула из себя сотни тысяч сияющих ракет, которые, мгновенно устремившись ввысь, разорвались где-то в верхних слоях атмосферы. Свет невыносимой яркости залил всё небо, словно заново включив потухшую планету. А потом небо потемнело, и тени гигантских космических кораблей окутали собою всё вокруг. Снова залпы ракет устремились ввысь, и неминуемый ответ сверху не заставил себя ждать, воплотив собою всё то, что обычно люди представляют, произнося слово «апокалипсис». Масштабы происходящего были настолько грандиозны, что увиденное Ниной ранее теперь казалось лишь жалкой пародией на тот невыносимый ад, что творился теперь на Земле.

В этот момент Нину снова захлестнула волна смешанных чувств, похожая на то, что она испытала при своей первой встрече с инопланетным истребителем и оружием, его уничтожившим, только теперь та ненависть, гордость и благоговение многократно превосходили не только ранее испытанные Ниной аналогичные чувства, но и, возможно, все прочие ощущения в жизни. От подобного переизбытка эмоций у девочки закружилась голова и потемнело в глазах. Она упала на пол, и этот удар как будто отодвинул то безумное наваждение, вернув её к своим прежним переживаниям, связанным со спасением кошек. Неужели все старания были тщетны, и ей не удастся помочь ни себе, ни доверившим ей свои жизни мурлыкам? Неужели она никогда не узнает, что стало с её родителями и что ждало её брата в убежище таинственных обитателей подземелий? И никогда-никогда не попробует... Энчиладу... Что это вообще такое? «Не важно! – решительно заявила Нина в ответ на свои собственные мысли и, превозмогая панический страх, побежала к подвалу магазина, увлекая кошек за собой со словами: – Я обязательно попробую эту энчиладу и вас, пушистых, угощу, вот увидите! Подвалы они, знаете ли, крепкие, они выдержат! Не зря в них крысы прячутся, уж они-то знают укромные места!» В вышесказанное Нине, конечно же, верилось с трудом, но она твёрдо решила действовать до конца. На бегу она почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног, а небо падает вниз всей своей невыносимой громадой. «Это не небо, это потолок», – промелькнуло у Нины

в голове, прежде чем всё вокруг закружилось, а пол и потолок поменялись местами. Спустя мгновение наступила кромешная тьма, и всё вокруг окончательно погасло.

ГЛАВА 3

Тьма, из которой не отыскать выхода, окружала ту, кто забыла своё имя и перестала чувствовать себя как отдельную личность. Теперь ей казалось, что она является частью чего-то сродни гигантскому муравейнику или пчелиному улью, каждый из жителей которого выполняет свою собственную функцию, повинуюсь единой грандиозной идее, навеянной разумом невероятно древним, стоящим у истоков самого существования подобного коллектива. Суть своей роли в этом сообществе виделась ей довольно размыто, а сам факт пребывания в состоянии безличностного коллективного единства ощущался как нечто, происходящее с кем-то другим. В какой-то момент ей показалось, что её сознание приобретает более внятные очертания, и идея той самой собственной функции в муравейнике стала проступать сквозь монотонность всеобщей размытости, царящей вокруг. Тогда-то и вспомнилось имя, равно как и сама идея, от него неотрывная. Это имя кричало, кричало знакомым голосом откуда-то издалека...

– Нина! Нина! – слышался голос, с каждой секундой становясь всё ближе и ближе.

В тот момент вместе с именем вернулась и память, а с ней чувство жуткой тревоги. Мурмания, апокалипсис, кошки. Кошки!

«Кошки! Что с ними стало?» – прорезался чёткий вопрос в голове Нины Суари, которая теперь не сомневалась в том, что её зовут именно так.

– Кошки! Где они!?! Мурки, только останьтесь в живых! – с отчаянием в голосе воскликнула Нина и попыталась подняться. Ей удалось сделать это только наполовину, так как она ощутила, будто сидит на какой-то плоской поверхности, мешающей ей подняться целиком. Только после этого она открыла глаза. Резкий белый свет ударил в лицо, а вместе с ним жуткая боль распространилась по всему телу, но через пару мгновений утихла. Окончательно придя в чувство, девочка осмотрелась по сторонам, и её удивлению не было предела – последними, что она видела до настоящего момента, были дверь в подвал и потолок магазина, падающий посреди немислимого апокалипсического ада, а теперь... Она находилась в ярко освещённом помещении, похожем на те, что показывают в фильмах про будущее, – высокотехнологичном и преисполненном футуристического минимализма. Только, пожалуй, ни один фильм не опишет тех подробностей, что увидела Нина при первом рассмотрении этой комнаты. Да и сама Нина не взялась бы описать все те немислимые свертехнологичные устройства, что покрывали собою металлические стены вокруг, будучи отчасти встроены в них. Создавалось впечатление, что вот-вот загорится одна из этих многочисленных мигающих настенных панелей и электронный голос вездесущего искусственного интеллекта продекламирует что-то вроде: «Доброе утро! Вы попали в три тысячи сто тридцать четвёртый год и находитесь на планете X285», после чего в комнате появится робот-официант и непременно предложит чашечку кофе и порцию энчилады, или что там у них подают в три тысячи сто тридцать четвёртом. Впрочем, ничего подобного так и не произошло. Вместо робота-официанта, каким бы невероятным это ни казалось, напротив Нины стоял Антон и расплывался в такой счастливой улыбке, какой она не видела на его лице за все прожитые бок о бок четырнадцать лет.

– Наконец-то ты пришла в себя, сестрёнка! Только тише, не торопись подниматься, – вновь раздался его голос, тот самый, что совсем недавно выдернул Нину из безумного сна. – Ну ты меня тогда и напугала, я думал, что больше никогда тебя не увижу, но потом!.. Я понял – ты была права, и всё, что случается – случается к лучшему! Ты не поверишь, ох, ты так много пропустила! Мне нужно обо всём тебе непременно рассказать! Я даже не представляю, как! Ты действительно не поверишь! Всё совсем не так, как мы себе представляли! Мы, в смысле, люди! Ох, люди... Да что там люди... – он говорил так, будто находился в состоянии неведомой эйфории, граничащей с безумием, сумбурно и порой бессвязно, так что теперь Нина уже сомневалась, кто из них был больше подвержен маниям с приставкой «мур» или без неё.

Поначалу она слушала его, не в силах вымолвить и слова, но затем её растерянность сменилась радостью, нахлынувшей от столь желанной и неожиданной встречи, и она с улыбкой сказала:

– Ты спас меня, братишка, как и всегда.

Она попыталась встать на ноги, чтобы его обнять, но только сейчас обнаружила, что сидит на жёсткой, но удобной кровати, плотно скованная какими-то светящимися лентами, ограничивающими её движения. Заметив неудавшуюся попытку сестры, Антон сам подошёл, чтобы её обнять, а после пояснил:

– Тебе сейчас не стоит двигаться, ты сильно пострадала во время первой атаки, и если бы не мы... Даже думать об этом не хочу... – он сел на кровать рядом с ней и тяжело опустил голову, будто прокручивая всё ранее случившееся, но спустя несколько минут его состояние сумасшедшего воодушевления вновь вернулось к нему, и он воскликнул: – Но это ничего, всё позади, и ты скоро поправишься! Ты даже не представляешь, какие технологии работают сейчас на твоё восстановление! Да что там – я и сам не представляю. Правда. Но они сказали, что сделали всё необходимое, и ты сможешь ходить уже через несколько часов, а спустя сутки будешь чувствовать себя лучше, чем большинство здоровых людей!

– Они сказали? Кто «они»? – удивилась Нина.

– Ах да, я тебе не сказал. Они – это кошки. Ты спасала кошек, а кошки спасли тебя. Я же говорю – ты была права. Всё дело в кошках, кошки – наше всё! Они просветили тебя своими приборами и помимо многочисленных переломов обнаружили крайнюю степень истощения всего твоего организма, после чего завернули тебя в эти «бинты» и ввели какую-то сверхпитательную сыворотку, так что теперь, по их словам, с тобой всё будет в порядке.

– По их словам? По словам кошек? И это ты говорил, что я спятила со всей этой своей Мурманией? – недоумевала Нина.

– Я тоже так думал, но потом... Я узнал такое! Я узнал всё! Почти... Слушай. Мы сейчас под землёй, и здесь, в её недрах, построен удивительный мир, и сотворён он расой, возраст которой превосходит возраст нашей планеты. Эта раса – кошки, но не обычные – высшие кошки. Они контролируют Землю с самого начала времён и знают абсолютно всё. Даже...

– Даже то, что стало с нашими родителями, – догадалась Нина.

– Да... Да, знают. Знают и это, но... – задумался Антон, – ...мне удалось выяснить не так уж и много. Как я понял, наша семья относится к какому-то особому виду людей, которых было решено эвакуировать в первую очередь, ещё задолго до событий этой войны. Таких семей на Земле не так уж и мало, и все они были укрыты в безопасном месте – в одном из глубоких подземных городов. Знаешь, я хотел выяснить больше, но здесь об этом толком никто ничего не знает. Даже моё начальство, командиры Манул и Леопард, не смогли ответить ничего вразумительного, хотя я не думаю, что они что-то скрывают. Похоже, этот вопрос просто не в их компетенции. Однако они высказали предположение, основанное на информации, пришедшей когда-то от вышестоящего руководства, что люди, подобные нашим родителям, входили в специальную экспериментальную группу, созданную с целью установления наиболее пригодных условий для проживания людей под землёй. Не знаю, насколько это верно, но Манул и Леопард сказали, что у них нет других версий.

Нина слушала его, изумлённо хлопая глазами, пытаясь хоть как-то переварить столь внезапно обрушившуюся на неё информацию, но так и не осознав происходящего до конца, всё же решила спросить о том, что казалось ей наиболее очевидным:

– А как же мы? Почему нас не забрали вместе с ними?

– Я не знаю, – ответил Антон. – Похоже, вся информация, касаемая этого проекта, не то чтобы засекречена, скорее, легендарна. Как старый миф, затерянный в веках, о котором слышали многие, но забыли всю его суть. Но не волнуйся, теперь я здесь большой человек и зани-

маю военную должность, так что, когда всё закончится, я обязательно в этом разберусь, и мы найдём нашу семью.

Услышав это, Нина звонко рассмеялась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.